

ИГОРЬ РОТАРЬ

ВОЙНЫ РАСПАВШЕЙСЯ ИМПЕРИИ

ОТ ГОРБАЧЕВА
ДО ПУТИНА

Эта яркая и достоверная книга основана
на личном опыте репортера, побывавшего
в «горячих точках», зачастую с риском для жизни.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ

Игорь Ротарь

**Войны распавшейся империи.
От Горбачева до Путина**

«ЭКСМО»

2018

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)

Ротарь И. В.

Войны распавшейся империи. От Горбачева до Путина /
И. В. Ротарь — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095010-2

Эта книга – свидетельство очевидца всех вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР со времен Горбачева до настоящего времени. Автор также включил в книгу главы об Афганистане, Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, войнах в бывшей Югославии и свои американские впечатления. Все эти главы содержат параллели с тем, что происходило в бывших советских республиках, и также основаны на личном опыте. Книгу отличает яркость впечатлений, широта охвата - временного и географического, точность характеристики и достоверность фактов.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-04-095010-2

© Ротарь И. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

О книге Игоря Ротаря «Войны распавшейся империи»	6
Введение	7
Глава I. Солдаты удачи	10
«Царские волки»	11
Мне нравится, что у меня в руках автомат	12
Халифы смутного времени	14
Глава II. Мифы и стереотипы наших дней	16
«Сербы – это плохие русские»	16
Чеченец Ной	17
Родина борца, компьютера и космонавтики	18
Кругом одни евреи	19
Глава III. Дети и война	21
ГЛАВА IV. Женщины и война	23
Глава V. Журналисты на войне	26
Глава VI. Ностальгия по СССР	27
«Мы жили как в раю!»	27
Коммунизм с индейским лицом	29
Глава VII. Донбасс и Приднестровье: найди десять отличий	31
«Пиши правду»	31
Добровольцы	33
«Серый кардинал»	34
«Агенты Кремля»	35
Параллели с Донбассом	36
Глава VIII. Абхазское эхо	38
Ненависть против ненависти	38
Сухумский вишневый сад	41
Глава IX. Кавказские зарисовки	43
1. От Дудаева до Кадырова	43
«Дай Бог прожить эту ночь!»	43
«Квартира ограблена три раза, просьба не беспокоить!»	44
«Меня подталкивают стать махновцем!»	44
Исламское государство с бандитским оттенком	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Ротарь
Войны распавшейся империи.
От Горбачева до Путина

© Ротарь И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

О книге Игоря Ротаря «Войны распавшейся империи»

Такой книги на русском ещё не было. И не только на русском. Причём мнение это далеко не только автора настоящего предисловия, но и тех профессионалов, отставных и действующих военных, разведчиков и людей «смежных профессий», которым показывалась рукопись. По яркости впечатлений, широте охвата – временного и географического, точности характеристик и достоверности фактов. Что само по себе уникально.

С точки зрения литературных достоинств книга читается на одном дыхании и оставляет не только яркое впечатление, но и желание перечитывать, поскольку построена как мозаика – из множества элементов, каждый из которых хочется рассмотреть поближе. Очень уж в ней много мелких, но существенных и интересных деталей. Причём в каждой из составляющих её глав.

Автор книги знает, о чём говорит. Книга основана на личном опыте человека, побывавшего в тех горячих точках, о которых он пишет, зачастую с риском для жизни. При этом – она объективна. Может быть, потому, что написана не участником этих войн, а журналистом, по определению видящим всё происходящее «снаружи». Человеку свойственно становиться на ту или иную сторону в войнах и этно-конфессиональных конфликтах. Но только хороший писатель может взглянуть на всё, включая себя «тогдашнего» и «теперешнего», со стороны. И оценить, в чём был прав или ошибался.

На книжных полках стоит масса политологической литературы, написанной под заранее выбранную точку зрения или в рамках конкретной идеологической задачи, что с точки зрения читателей значительно снижает её ценность, превращая в инструмент для промывки мозгов – а этого начитанный человек не любит. Книга Ротаря от всего этого околелитературного мусора отличается кардинально. Это честная книга, написанная не ради того, чтобы похвалило вышестоящее начальство (да и какое?!). Тем она и интересна.

Вот, жил-был журналист, родом из СССР, которого на развале страны унесло в Большой Мир. Там он видел то, что видел. Встречался с теми, с кем встречался. Работал там, где мало кто из людей его круга рисковал работать. Уцелел, сохранив яркость и точность слога. А поскольку память у него была хорошая, не только описал наиболее характерные для эпохи ситуации, с которыми столкнулся на военных перекрёстках и в околвоенном мире, но и проанализировал то, что обычно остаётся «за кадром». Вроде – ничего особенного. Но оторваться невозможно.

Ладно, про боевиков. Тут понятно. Но читаешь про детей на войне. Про женщин. Про журналистов. Про выходцев из Средней Азии, которым повезло оказаться в США. Или не повезло? И видишь происходящее в новом свете. Причём автор ни под кого не подстраивается. Ни под западную пропаганду – хотя живёт на Западе. Ни под штампы отечественные – от которых грустно. Ибо два раза за сто лет страну потеряли – и пляшем на тех же граблях... А тут ничего этого нет. Пишет человек – как дышит, не стараясь угодить. Точно по Окуджаве. И от этого читать его хочется.

В общем – единственная в своём роде книга. Про страшное время и страшные обстоятельства. Точная и достоверная. Интересная и хорошо написанная. Ни на кого не похожая и совершенно неожиданная. И с западной точки зрения. И с российской. Не больше и не меньше.

Евгений Сатановский, президент Института Ближнего Востока

Введение

Эта книга – свидетельство очевидца всех вооруженных конфликтов на территории бывшего Советского Союза от времен Горбачева до настоящего времени. С начала перестройки, в качестве журналиста и исследователя, я работал на всех войнах в бывшем СССР. Я был лично знаком со всеми знаменитыми чеченскими полевыми командирами (в том числе со знаменитыми террористами Шамилем Басаевым и саудовцем Хатабом). Мне довелось пожить в лагерях таджикских боевиков в Афганистане, пообщаться с российскими добровольцами в Приднестровье и Боснии. Я был свидетелем штурма молдавскими войсками Бендер и абхазскими – Сухуми.

Поскольку большинство войн в бывшем СССР происходили в мусульманских районах, то я заинтересовался этой религией, в первую очередь ее вовлеченностью в политическую жизнь. С 2001 по 2008 год в качестве представителя западной правозащитной организации я жил в Средней Азии, исследуя религиозную жизнь в регионе. Я близко познакомился с членами почти всех радикальных подпольных организаций в регионе, побывал в Андижане в дни мятежа, а также присутствовал на двух киргизских революциях. В то же время я продолжал заниматься и Северным Кавказом. Так, я несколько раз побывал в кадыровской Чечне, где де-факто, под патронажем России, было создано исламское государство; я посетил и так называемые «ваххабитские анклавы» в Дагестане, где люди живут по законам шариата.

В 2013 году я уехал в Америку и решил отойти от российских реалий, но тут началась война в Украине. Такого важного события я пропустить не мог и отправился в полугодовое журналистское путешествие по этому государству. Я побывал по обе стороны фронта, а также в мирных отдаленных от войны районах, в том числе в «оплоте самостийников» Львове.

Во время моей поездки в Украину меня все время не оставляло ощущение «дежавю». Например, бешеный энтузиазм «борющихся с фашизмом» жителей самопровозглашенных республик Донбасса был очень похож на то, что я уже видел в начале 90-х прошлого столетия в Приднестровье. Только в Украине фашистами были «бандеровцы», а в Молдавии прорумынские националисты. Так же как и на многих других конфликтах в бывшем СССР, в Украине я увидел странных бородачей в папахах, называющих себя казаками. Впрочем, в Украине, как и в Приднестровье, Абхазии, Боснии, я видел и «обычных русских людей», приехавших воевать сюда «по зову сердца».

Косвенные признаки «руки Кремля» можно было видеть на всех войнах в бывшем СССР. Но, по сравнению с предыдущими конфликтами, Москва на Донбассе действовала значительно более решительно. При безвольном Горбачеве и сильно пьющем Ельцине попытки Кремля сохранить империю были вялыми и непоследовательными. Более того, создавалось впечатление, что в России нет единого центра управления, и часто правая рука не знала, что делала левая. Сегодня Москва направила в нужное для нее русло энергию и так называемых казаков, и других добровольцев. И не так уж и важно, жалеют ли в Кремле о том, что ввязались в украинский конфликт. Назад пути уже нет, и, по крайней мере, нынешнее руководство России, волей или неволей, будет вынуждено продолжить имперскую политику. В какой-то степени все предыдущие конфликты на территории бывшего СССР оказались предтечей украинской войны.

Конфликт в Украине, поссоривший Россию с Западом, оказался не единственным судьбоносным событием в стремительно меняющемся мире. Неожиданно громко заявила о себе (запрещенная в России) организация Исламское государство. Среди ее боевиков оказалось немало выходцев из бывшего СССР. По опыту своего общения с исламскими радикалами Кавказа и Средней Азии я понимал, что создание этой радикальной организации было фактически

неизбежно. Появление ИГ позволило мне по-иному взглянуть на многочисленные исламские радикальные организации Кавказа и Средней Азии.

Методы борьбы с боевиками ИГ в Сирии вызвали шквал часто вполне справедливых обвинений в нарушении прав человека. Увы, мой опыт работы западным правозащитником и последующий вслед за этим отъезд в США подточили мою веру в Свободу. Не то чтобы я стал противником демократии, но у меня появились сильные сомнения в необходимости ее экспорта в страны третьего (да и второго) мира. Как говорил один из героев Фазиля Искандера: «Хорошее начинание, но не для нашего климата!»

Работая в американских политологических центрах, я пришел к выводу, что среди политиков и политологов этой страны действительно есть «историческое» недоверие и предубежденность к России, а мои странствия по Латинской Америке заставили меня по-новому взглянуть как на антиамериканские настроения, так и на любовь в этом регионе к канувшему в Лету СССР. Хочу подчеркнуть, я не стал «ватником» и противником США; просто мой былой энтузиазм оказался слегка подточенным здоровым скепсисом.

Хотя в основном я пишу о конфликтах в бывшем СССР, я также включил в книгу главы об Афганистане, Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, войнах в бывшей Югославии и свои американские впечатления. И это не случайно.

Так, ситуация в Афганистане оказывает существенное влияние на соседнюю Среднюю Азию. Я также показываю, что, несмотря на попытки США «внедрить» в Афганистан демократию, стиль жизни в этой стране неотличим от средневекового, а женщина здесь ценится ненамного больше, чем хороший конь. Как мне сказала одна афганская школьная учительница: «Строить у нас демократическое общество – это все равно что не умеющему считать человеку объяснять высшую математику. Мы к этому совершенно не готовы».

Конечно, Средняя Азия – это не Афганистан, но и здесь попытки внедрить демократическую модель потерпели неудачу. В этом смысле интересен опыт Синьцзян-Уйгурского Автономного района Китая – той же Средней Азии, но оказавшейся под китайской, а не российской колонизацией. Сегодня Пекин, как убедился я во время частых поездок в этот регион, жестко подавляет любые проявления сепаратизма, полностью контролирует мечети и медресе. Политической свободой здесь и не пахнет, зато китайские власти вкладывают в регион огромные инвестиции и всячески поощряют предпринимательство.

Глава, посвященная югославским войнам, также не случайна. Модная ныне идея единого Православного Мира, который хочет уничтожить Запад, была очень популярна в бывшей Югославии 90-х годов прошлого столетия. В независимости от того, как относиться к этому, интересно, почему такие взгляды исповедовали сербы.

Глава о США также очень важна. Вне зависимости от того, как относиться к этой стране, очевидно, что на сегодняшний день Америка является ведущей державой в мире. Для многих людей опыт этой страны является примером для подражания. Я пытаюсь понять, насколько американская модель органична для России, провожу параллели между межнациональными отношениями в России и США, показываю, что органичность демократической системы в США во многом объясняется психологическими особенностями американцев.

Войны на территории бывшего СССР до удивления похожи. Везде в них участвуют странные люди-монстры, похожие на типажи героев Достоевского. Практически на всех войнах солдаты противоборствующих сторон занимаются мародерством, а часто не брезгают и этническими чистками. Поэтому, возможно, неспециалисту не обязательно читать все главы подряд. Кому-то интереснее Украина, а кто-то, наоборот, предпочтет «восточные истории».

Несмотря на общую идею, пронизывающую книгу, каждая из глав самодостаточна, и автор вполне предусматривает выборочный характер чтения. По этой же причине в книге возможны (редкие) повторы отдельных небольших фрагментов текста в разных главах. Для

удобства тех, кто не собирается мучиться над всей книгой, в оглавлении приводится подробный перечень подглавок каждой главы, чтобы читатель сразу имел представление о ее содержании.

В то же время я бы не хотел, чтобы читатель смотрел на это произведение как на обыкновенный справочник по войнам бывшего СССР. Судьбоносные изменения в мире последних лет, а также мой приобретенный в Америке опыт заставили меня по-новому посмотреть на конфликты в бывшем СССР и написать о них в несколько ином ракурсе, чем я бы это сделал несколько лет назад.

Глава I. Солдаты удачи

В 1993 году меня расстреливали. Было это в Абхазии. Я не понравился пьяному казачьему атаману Васильеву, воевавшему против грузин на стороне абхазов, и он решил пошутить. Дико хохоча, brave вояка трижды дал автоматную очередь поперх моей головы.

Действие происходило на территории российского военного санатория, охраняемого brave русскими десантниками. Увы, военные не могли мне помочь. Прибежавший на выстрелы молодой лейтенант не сумел уговорить кубанца прекратить упражнения в стрельбе.

«Он мог запросто тебя убить. Атаман стрелял на отлет, держа автомат в дрожащей руке, а пьяному человеку ничего не стоит промазать. Этих людей поселили сюда по указанию нашего министерства обороны, хотя они не являются военнослужащими. Каждый вечер они устраивают пьяный дебош со стрельбой, мы ничего не можем с ними поделать», – жаловался мне русский офицер.

В Абхазии я впервые встретился с наемниками (или добровольцами, термины почти тождественны, хотя и носят разную идеологическую окраску) из России. Но потом они попадались мне практически во всех горячих точках распавшейся империи.

В 1993 году на войне в западной Грузии я обратил внимание на явно славянскую внешность одного из звиадистов. Им оказался бывший водитель троллейбуса из Киева двадцатидвухлетний Дима. Хотя киевлянин воевал в Грузии уже больше года, он не выглядел суперменом и был похож на подростка-старшеклассника. Со мной Дима был очень добр: устроил на ночлег, вкусно накормил. А понаблюдав, как наемник возится с собакой, я окончательно убедился, что он не сможет убить человека.

В Киеве Диме было скучно: не было друзей, любимого дела. Пожалуй, единственное светлое воспоминание из довоенной жизни – недолгий курортный роман с молодой москвичкой Аней, отдыхавшей в Крыму. Дима много рассказывал про эту девушку, просил обязательно с ней связаться в Москве. Когда же, вернувшись из командировки, я позвонил Ане, она едва вспомнила имя своего давнего любовника.

«Царские волки»

В 1995 году я остановился на горнолыжном курорте возле города Пале – столицы непризнанной Сербской республики в Боснии и Герцеговине. Вечером я вышел подышать перед сном, и вдруг мне показалось, что у меня начались галлюцинации: мимо меня, отчетливо ругаясь матом на русском, прошла большая группа молодых людей.

Это были члены русского добровольческого диверсионного отряда «Царские волки», воевавшего против мусульман.

«Считать нас наемниками неверно даже с чисто формальной точки зрения. По международным нормам наемником считается человек, воюющий в армии иностранного государства и получающий за это вознаграждение, отличное от зарплаты военнослужащих. Мы получаем столько же, сколько сербы, 50 динар (около 15 долларов США)», – говорит командир батальона, бывший капитан Советской армии, 33-летний Юрий.

Юрий воевал в Афганистане, а после, по его собственным словам, стал ненавидеть всех мусульман. Вернувшись из Афганистана, капитан Советской армии уже не мог найти себя в мирной жизни. Уволившись из армии, Юрий поехал на войну в Приднестровье, а потом, когда та война кончилась, отправился воевать в Карабах. Однако звездный час бывшего советского офицера настал именно в Югославии. «Здесь я защищаю от мусульман наших православных братьев-славян. К мирной жизни я уже не вернусь никогда. Кончится война здесь – поеду на другую. Мой югославский военный опыт выводит меня на международный уровень. Теперь меня, как профессионала, будут рады видеть в любой горячей точке мира», – говорит Юрий.

Мою беседу с бывшим афганцем слушают его трое друзей – соратники по оружию. 27-летний уроженец Санкт-Петербурга Сергей работал на родине милиционером. Его родители погибли, а вскоре после этого у него не стало и любимой девушки. Сергей продал свою квартиру, вдел в ухо две серьги (у казаков это знак последнего из рода) и отправился воевать в Югославию. В Россию молодой человек возвращаться не собирается: «Зачем? Там у меня никого нет. Или же здесь после войны возьму дом, женюсь на сербке, или же отправлюсь воевать еще в какую-нибудь горячую точку».

34-летний бывший оперуполномоченный КГБ Александр Терещенко не скрывает, что приехал в Боснию из любви к приключениям: «Я профессиональный авантюрист, и здесь мне нравится; в Россию, по крайней мере пока, возвращаться не собираюсь».

«Из чистого любопытства» приехал на войну в Боснию 28-летний бывший прапорщик Александр. Недавно Александр подорвался на mine и лишился ноги. Местные власти подарили ему протез и поселили на отдых в пансионате. «Саша никак не может смириться со своим горем. Целыми днями он или спит, или же курит и смотрит в одну точку», – говорят его друзья.

Мне нравится, что у меня в руках автомат

В Донецке я познакомился с уроженцем Свердловской области Юрием, воюющим на стороне ополченцев. Это была уже четвертая война Юрия. До этого он воевал в Абхазии, Боснии и Герцеговине, в Чечне.

В начале перестройки двадцатилетнего Алексея посадили за драку. Выйдя через три года на свободу, бывший заключенный не смог найти места в изменившемся мире. Прежние друзья подались либо в коммерцию, либо в рэкет – по-другому в новой жизни прокормить семью практически невозможно. Оба варианта были противны Алексею – в тюрьме он приобрел устойчивое отвращение к уголовникам, а дух торгашества был чужд ему с детства. Алексей нашел себя в горячих точках.

«Если привыкнешь к войне, а она не такая уж тяжелая, можно жить легко. Мне нравится, что у меня в руке автомат, в России же за это дают срок сразу. Здесь много людей, которые уже не могут жить без войны, она для нас – образ жизни».

В 2015 году на боевых позициях в районе донецкого аэропорта появился необычный ополченец – крупный, не первой молодости мужчина в неизменной ковбойской шляпе, которую он не снимает даже в помещениях. Нового бойца зовут Рассел Бентли и воевать за свободу Донбасса он приехал из далекого Техаса.

Жизнь этого пятидесятипятилетнего американца была достаточно бурной. Он успел послужить в армии США, потрудиться в качестве рок-музыканта и лесоруба, поразмышлять в монастыре о суетности жизни и даже посидеть пять лет в тюрьме за торговлю наркотиками. Но чем бы ни занимался Рассел, он, по его собственным словам, всегда «оставался поэтом в душе».

По убеждениям Рассел – коммунист; не случайно на его шляпе приколотая красная звезда. С самого начала Майдана он ни секунды не сомневался, что это лишь «преступные козни американского фашистского правительства», а тогдашние украинские оппозиционеры – его марионетки. В общем, техасец приехал в Донбасс именно для того, чтобы «бороться с фашизмом». «Если нам не удастся отстоять Донбасс, то «коричневая чума» распространится по всему миру», – убежден Рассел.

В США американский доброволец, получивший в армии ДНР позывной Техас, возвращаться не собирается. Судя по всему, он уже встретил здесь свою любовь и даже собирается жениться.

«Что бы ни произошло, это лучшее место для меня. Это мой дом», – написал новоиспеченный донбассец на своей странице в Facebook.

Эйфория Рассела Бентли в общем-то объяснима: у себя на родине, где «новый дончанин» не имел постоянного дохода, он вряд ли мог себя чувствовать столь же уважаемым человеком. В Донбассе «приехавшего воевать за правду американца» обожают почти все, он стал настоящей местной знаменитостью.

Итак, солдаты удачи – это очень разные люди. Среди них есть идейные борцы, откровенные уголовники, романтики, искатели приключений... Но, пожалуй, у большинства из них есть нечто общее: это люди, которые не могут найти место в устоявшейся жизни, а ищут себя лишь в экстремальных ситуациях, осваивая новые, еще «непоработанные цивилизацией» территории.

Очень типичным представителем таких людей являлся знаменитый полковник ДНР Арсен Павлов (Моторола). В мирной жизни ему удалось добиться не слишком многого: работал охранником, автомойщиком. Настоящее призвание этого человека была война: Арсен дважды по контракту отправлялся на полгода воевать в Чечню. Но, видно, служба в российской армии была скучна анархичному бывшему автомойщику, и он предпочел более вольную жизнь

добровольца. Например, Моторола пытался уехать на войну в Южную Осетию, когда его беременная жена лежала на сохранении, но не смог найти денег на билет. Увы, война скоро кончилась, и крайне раздосадованный Арсен стал ждать новой «вспышки». «Вспышка» случилась на Украине, и она оказалась войной Моторолы: на ней он нашел себя и приобрел славу. Правда, в конечном счете, эта удача стоила ему жизни – Арсена Павлова взорвали в лифте его дома.

Халифы смутного времени

Судьба Моторолы типична. Процесс устранения не вписывающихся в определенные рамки лидеров боевиков начался задолго до его гибели. Сначала из Горловки исчез полевой командир Игорь Безлер (Бес) – правда, ему удалось выжить. Затем был расстрелян начштаба четвертой бригады ЛНР Александр Беднов (Бэтмен), причем власти Луганской республики признали свою причастность к его убийству. Летом 2015-го, после второго по счету покушения, был подорван и расстрелян Алексей Мозговой – один из наиболее популярных и влиятельных полевых командиров Луганской Народной Республики, соратник ранее удаленного из Донбасса Игоря Стрелкова. Зимой 2017-го был убит командир знаменитого батальона «Сомали» Михаил Толстых (Гиви).

То, что сегодня происходит на Донбассе, великолепно вписывается в канву всех вооруженных смут на территории бывшего СССР: завершив свою миссию, «герои революций» таинственным образом гибнут, а им на смену приходят более удобные для аппаратных игр, не выходящие за формальные «рамки приличий» лидеры.

Во время гражданской войны в Таджикистане лидером противостоящего исламистам «Народного фронта» был буфетчик и по совместительству уголовный авторитет, прошедший за решеткой 22 года, Сангак Сафаров.

Я хорошо был знаком с Сангаком. Интеллектуалом этого человека, неокончившего даже среднюю школу, конечно, назвать было трудно, но от уголовного авторитета исходило почти гипнотическое ощущение силы, чувствовалось, что он совершенно не боится смерти и при этом готов убить любого, вставшего на его пути.

Именно Сангак Сафаров привел к власти нынешнего таджикского лидера Эмомали Рахмона, и ходили слухи, что с таджикским президентом уголовный авторитет обращался как с мальчиком на побегушках. Увы, в мирное время бывшему буфетчику пришлось пожить совсем недолго. По наиболее распространенной версии Сангак Сафаров «вспылил» и застрелил своего бывшего сподвижника, полевого командира Файзали Зарипова, после чего охрана последнего открыла огонь, и в результате начавшейся перестрелки погибли 17 человек, в том числе и бывший лидер «Народного фронта».

Не менее драматична и судьба знаменитого грузинского «вора в законе» Джабы Иоселиани, свергнувшего Звиада Гамсахурдия и приведшего к власти Эдуарда Шеварднадзе. На войнах в Абхазии и Западной Грузии отряды Иоселиани занимались грабежами.

«На любой войне победитель имеет право на три грабежа. Это нормально, главное – уничтожить врагов Грузии», – откровенничал со мной Джаба Иоселиани.

Как только Эдуард Шеварднадзе закрепился во власти, то его стал раздражать такой своеобразный соратник, и Джаба Иоселиани был заключен в тюрьму.

Во время войны в Приднестровье лидером вооруженных отрядов города Бендеры стал бывший «афганец» Юрий Костенко, прозванный Батькой. Среди его бойцов было много уголовников, мародерство защитники Бендер воспринимали как «контрибуцию». Суды над задержанными Костенко считал излишним гуманизмом: Батька вместе со своей «боевой подругой» Татьяной собственноручно допрашивал пленных и сам выносил приговор – как правило, смертная казнь. Увещевания приднестровских властей «умерить пыл и действовать более цивилизованно» бывший афганец попросту игнорировал.

Однако, как только война окончилась, Костенко ликвидировали, причем его труп распилили. Почему? «А у милых ребят-следователей, подчиненных моего хорошего знакомого Вадима Шевцова (руководитель службы безопасности Приднестровья. – *Прим. авт.*), был только «Запорожец» для доставки трупа. Вот и распилили или разрубили тело», – описывает гибель Костенко в «Книге мертвых» его друг Эдуард Лимонов.

«В берегах реки глубокой
Потерялось мое время.
Ночь цыганкой черноокой
Золотое прячет стремя»,

– пророчески написал незадолго до гибели в одном из своих стихов донбасский полевой командир Алексей Мозговой.

Время Мозгового, Моторолы, Иоселиани и других «героев революций» действительно потерялось, а если точнее – заканчивалось, как только новые власти становились достаточно сильны, чтобы не нуждаться в маргиналах-пассионариях. «Революция пожирает своих детей!» – заявил перед казнью знаменитый французский революционер Жорж Жак Дантон. Это хрестоматийное, избитое изречение верно и в наши дни.

Глава II. Мифы и стереотипы наших дней

«Сербы – это плохие русские»

В 1999 году я попал в достаточно *неприятную* ситуацию. Как-то я ловил попутку на горной дороге Македонии, и неожиданно меня подобрал автобус, в котором ехали косовские беженцы. Это было время, когда в ответ на бомбардировки НАТО сербы начали выгонять косовских албанцев. Нередко люди шли до македонской границы пешком и, перейдя ее, в буквальном смысле падали от усталости.

Если бы я сказал беженцам, что я россиянин, то меня могли бы просто разорвать на куски (все албанцы знали, что русские – близкородственный народ сербам), и я представился поляком. Увы, разговора избежать не удалось: беженцы просто жаждали рассказать «всю правду» польскому журналисту.

Посочувствовав мне, что моя родина находится рядом «с такой неприятной страной, как Россия», косовары раскрыли мне страшную тайну. Оказалось, что «сербы – это плохие русские». Как объяснили мне мои новые знакомые, несколько веков назад русские изгнали из своих земель воров, проституток и бандитов. Эти люди отправились в Юго-Восточную Европу и обосновались на территории современной Югославии. Так, согласно этой «исторической версии», и «образовался сербский народ». «Вы хотите, чтобы мы вместе жили с людьми, которые не могли ужиться даже с медведями!» – доказывали мне свою правоту косовары.

В свою очередь, оказавшимся в эти дни в международной изоляции сербам стал просто необходим друг и заступник в лице могущественного народа. Этой чести удостоились близкие им по языку и культуре русские. «Зачем ты говоришь на фашистском языке?!» – почти кричал на меня официант в белградском кафе, к которому я обратился по-английски. «Американцы бомбят нас, славян! Говори по-русски. Сербы и русские – братья и должны быть вместе».

Во всех местных кафе и барах звучала популярная песня: «Нас и русских – триста миллионов». Показательно, что так же, как и наши националисты, сербы считают русскими и украинцев с белорусами. Само же разделение восточных славян на три народа воспринимается здесь как происки врагов России. В беседе с гражданами нашей страны местные жители любили подчеркивать, что у их народа существует следующая поговорка: «Сербы верят только в Бога и Россию».

Чеченец Ной

Возвеличивание до абсурда своей роли в истории – очень характерное явление для переживающих национальную катастрофу народов. Так, после вооруженных столкновений с осетинами, группа ингушских интеллектуалов написала открытое письмо руководству России, в котором утверждалось, что уже в «течение пяти тысячелетий ингуши являются самым дискриминируемым народом мира». Откуда взялась цифра в пять тысячелетий и почему все-таки ингуши являются *самым* дискриминируемым народом в мире, авторы письма не объясняли.

Аналогичные «исторические сенсации» публиковались и в Северной Осетии. Во Владикавказе была издана книга, в которой доказывалось, что одиннадцать апостолов Иисуса Христа были осетинами, и лишь один – естественно, Иуда – еврей.

Устойчивые негативные характеристики в адрес друг друга нередко дают и различные этнические группы, образующие единый народ. Так, во время гражданской войны в Таджикистане некоторые лидеры таджикской оппозиции заявляли, что их противники являются «нечистыми» таджиками.

Например, в беседе с автором этих строк председатель республиканской Демократической партии Шодмон Юсуф утверждал, что «у так называемого таджикского народа нет ни одной песни, удовлетворяющей все регионы. Племенное сознание признает право на выживание только представителей данного племени. Чисто персоязычным племенам таджиков присуща большая духовность», а «бесчеловечные действия» ленинабадцев и кулябцев (этнические группы таджиков. – *Прим авт.*) «демократ» объяснял их «смешением с тюркскими племенами и остатками монгольских завоевателей».

Теории о своей исключительности существовали и у памирцев, доказывающих, что из всех этнических групп таджиков только они являются прямыми наследниками древней арийской культуры и (одновременно!) потомками Александра Македонского.

Интересные историографические изыскания появились в де-факто независимой при Джохаре Дудаеве Чечне. Так, первый чеченский президент утверждал, что именно его народ является основоположником мусульманской веры. По его мнению, такая великая религия, как ислам, могла возникнуть не в безжизненной Аравийской пустыне в обществе кочевников, а в райском уголке земли, среди людей высочайшей культуры общения и взаимного уважения. Таким местом первый президент республики считал свою родину.

Согласно дудаевской чеченской историографии, Ноев ковчег находился на вершине чеченских гор, а восемь его обитателей, включая самого Ноя, были предками современных чеченцев. В Чечне появились и другие необычные исторические изыскания. Например, доказывалось, что традиционные чеченские башни являются макетами космических кораблей инопланетян, посетивших Чечню много веков назад. Именно общение чеченцев с инопланетянами и является убедительным доказательством избранности чеченской нации.

Родина борща, компьютера и космонавтики

После начала русско-украинского конфликта удивительные исторические изыскания появились в Украине.

Так, как утверждает брат бывшего президента Украины Виктора Ющенко, историк Петр Ющенко, древнегреческие философы разговаривали на украинском языке, а Диоген и вовсе советовал использовать его в качестве государственного.

Это заявление ученый сделал всего через несколько дней после того, как президент Украины Петр Порошенко сообщил, что российский лидер Владимир Путин «пытался на глазах всей Европы похитить в «российскую историю» княжну Анну. По мнению Петра Порошенко, Анна Ярославна была украинкой.

Из всех народов бывшего СССР от русских, естественно, больше всего пострадали именно украинцы, а голодомор в тридцатые годы прошлого столетия описывается украинскими учеными как «умышленный геноцид».

Согласно современной украинской историографии, русские от украинцев получили письменность, православие и навыки управления государством.

«Какая мерзость: 1. Украсть у Киевской Руси имя и историю, а потом обозвать ее Малороссией! 2. Получить от Украины письменность и просвещение, а потом уничтожить украинский язык и культуру. 3. Получить от Украины христианство, а потом уничтожить украинскую церковь!...», – в эмоциональной форме подытоживает претензии щирых украинцев к России популярная в республике страничка Facebook «Мудрая Украина».

Много интересного об украинской истории я узнал, посещая регулярные тематические выставки в украинском культурном центре-музее американского города Сан-Диего. Забавно, что работники центра из принципа отказывались говорить со мной по-русски («Скажите спасибо вашему Путину»!). Я их спрашивал на родном языке, а они мне отвечали по-украински. Когда я что-то не понимал, то мы переходили на английский. Одна беда – на этом языке мои собеседники не всегда говорили хорошо.

Однако, если не концентрироваться на этом маленьком неудобстве, во время посещений центра я узнал очень много нового. Так, сразу же после событий на Майдане здесь была развернута обширная экспозиция об украинской революции. В центре зала возвышалась статуя полуобнаженного Виталия Кличко с украинским флагом на шее. Картина украинского художника из Сан-Диего о майданщиках показывала их в виде былинных богатырей. В музее также была собрана подборка литературы по теме: «Русификация – геноцид украинцев». На обложке одной из таких книг изображена украинка в венке из колючей проволоки. «В мире нет народа, который пострадал бы больше, чем украинцы», – без обиняков заявила мне работница центра.

Следующая выставка в центре, называвшаяся «Родина борща – людям Земли», оказалась еще необычной. Ее организаторы доказывали, что украинцы изобрели первый компьютер, космический корабль и основали современное авангардное искусство. Делались эти выводы на основании того, что Сергей Королев и Сергей Лебедев (изобретатель компьютера), а также многие художники авангардисты хотя и не были украинцами, но родились или работали в Украине.

При этом, по крайней мере, на бытовом уровне в Западной Украине любят порассуждать об ущербности, глупости восточных украинцев. Например, по украинскому телевидению (!) боец АТО с Западной Украины доказывал, что они воюют не с ополченцами, а с российской армией: «Восточные украинцы – это такие недоразвитые люди, они даже машину толком водить не умеют. Очевидно, что если бы не Россия, то мы бы таких людей давно победили».

По-видимому, именно безмерное, не подтвержденное никакими реальными фактами возвеличивание своего народа является одним из серьезных симптомов переживаемого нацией кризиса.

Кругом одни евреи

Любопытный парадокс, проявившийся во многих горячих точках – неожиданный антисемитизм местных жителей, которые зачастую даже и не видели евреев.

Так, до войны чеченцы относились к этому народу нейтрально, однако после ввода в республику российских войск ситуация изменилась кардинально. Автору неоднократно приходилось слышать от самых разных людей в республике, что «чеченцы стали жертвой мирового сионистского заговора» и «евреи руками глупых русских убивают мусульман». После вторжения чеченских боевиков в Дагестан главный идеолог республики Мовлади Удугов заявил, что чеченцы борются не с русскими, а с мировым сионизмом и что конечная цель нынешней войны – «освобождение Иерусалима».

Показательно, что, как только муфтий Чечни Ахмад Кадыров (отец Рамзана) согласился на сотрудничество с федеральными властями, на сайте сепаратистов kavkaz.org появилась статья, в которой «убедительно» доказывалось, что тейп «предателя» принимал в свое сообщество горских евреев и, по существу, уже не является чеченским.

Наиболее убежденными антисемитами в Чечне стали так называемые «ваххабиты». Вот как описывает их отношение к евреям грузинский политик Георгий Заалишвили, просидевший год в заложниках у чеченцев: «Больше всего фундаменталисты ненавидели почему-то не русских, а евреев. Они снабжали меня литературой, практически неотличимой от той, что распространяет в Москве общество «Память» и ему подобные организации. Жидомасонский заговор был одной из любимейших тем их разговоров».

Самое интересное, что евреев обвиняют в своих бедах даже африканцы. Так, в далекой африканской стране Руанде в 1994 году произошла кровавая бойня между народностями хуту и тутси, стоившая жизни почти миллиону человек. На сегодняшний день это одна из наиболее широкомасштабных гуманитарных катастроф в мире.

Легенды тутси утверждают, что раньше они жили в стране Миср, то есть в Египте. Переселившись на территорию современной Руанды, кочевники-тутси покорили земледельцев хуту и создали феодальное государство. Захватившие Руанду в середине XIX века немецкие колонизаторы и вскоре сменившие их бельгийцы не стали ничего менять в устоявшейся системе и управляли колонией с помощью тутси.

Сегодня в африканской прессе уже появились статьи, доказывающие, что тутси являются потомками евреев. При этом публицисты делают акцент на том, что «пришлые евреи эксплуатируют коренных африканцев». Авторы этих «научных изысканий» не смущает, что исповедующие христианство (а не иудаизм!) тутси обладают даже более темным цветом кожи, чем средний африканец, а территорию современного Египта они покинули через много веков после исхода оттуда евреев.

Несколько необычна ситуация с еврейским вопросом в сегодняшней Украине. Так, нынешние украинские власти – в противовес обвинений их Кремлем в фашизме – подчеркнуто дружелюбно относятся к евреям. Борющиеся с «коричневой чумой» ополченцы также вроде бы не могут быть антисемитами. Однако, в реальности, периодически обе стороны «не выдерживают» и потаенные антисемитские инстинкты пробиваются наружу. Например, на националистических митингах как в Киеве, так и в западной Украине периодически появляются лозунги «Евреи вон из властных структур!». В частных неформальных беседах многие рядовые украинские националисты порой сетуют о «засилии евреев».

Поддержка многими украинскими евреями сторонников Майдана вызывает скрытое раздражение и у сепаратистов. Так, если почитать их сайты, то нетрудно убедиться, что многие из них наполнены антисемитской риторикой. Там тиражируется даже такая забавная версия, что первоначально евреям за поддержку Майдана была обещана автономия в Крыму! А недавно

лидер самопровозглашенной ДНР Александр Захарченко во всеуслышание заявил, что сегодня Украиной правят «жалкие представители очень большого великого народа». Вроде как перед всеми евреями и «расшаркался», но в антисемиты все равно был тут же записан, тем более что ряд СМИ с удовольствием процитировали его не дословно.

Однако такие отдельные антисемитские выпады «работают» в первую очередь в пользу противоборствующей стороны. Это прекрасно понимают как Киев, так и сепаратисты. По сути, сегодня евреи стали в Украине «священной коровой».

Глава III. Дети и война

В Святогорском монастыре, где живут беженцы с Донбасса, я наблюдал странную игру. Один из детей монотонно выл, а другие прятались в подвале. Оказалось, что они играли в «налет украинской авиации»: воющий изображал сирену, а подвал считался «бомбоубежищем». Детская психика гораздо устойчивей взрослой, и дети быстро привыкают к бомбардировкам и даже иногда радуются им – можно не ходить в школу. На стенах донецких домов можно увидеть необычные рисунки. Вот самолеты, бомбящие жилые дома, а вот танк, расстреливающий здание. Иногда дети поясняют свои рисунки: на самолетах рисуют украинский флаг или же просто пишут «Украина».

Конечно же, о войне дети помнили и по другую сторону фронта. Так, во многих школах проходили конкурсы детских рисунков, посвященных «воинам, защищающим родину». Украинские старшеклассники посылали видеообращения с песнями бойцам АТО, в которых признавались в любви к защитникам родины. Правда, такие акции проходили часто по инициативе взрослых, но не только. Сам видел, как дети подходили к украинским военным с приветствием: «Слава Украине!»

Кстати, впервые схожие военные рисунки детей мне пришлось увидеть в далеком 1995 году в Грозном; правда, там на самолетах писали «Россия», причем нередко с одним «с». В те годы в Чечне были забыты все прежние игры – в русских и фашистов, красных и белых. По существу, чеченские дети даже не играли, а копировали мир взрослых.

«Уазик» долго петляет по горным дорогам. Неожиданно у въезда в одно из сел мы слышим крик «Аллах Акбар», и нас окружает толпа боевиков. Я было уже приготовился к самому худшему, но тут обратил внимание на рост «воинов» – дети. Как и у взрослых моджахедов, на голове у ребят были зеленые повязки. Правда, автоматы оказались игрушечными, а вот гранатометы – настоящие, хотя и использованные, без заряда.

– У каждого нашего поста они выставляют свой – детский. Гоняем их, гоняем – ничего не получается, – смеется водитель-чеченец.

Оказалось, не только я боялся боевиков.

– Во время бомбежек мы прятались в подвале. Когда бои кончились, к нам спустились русские солдаты. Один из них увидел мой игрушечный автомат и, вздрогнув, направил на нас свой настоящий. К счастью, до него все-таки дошло, что это игрушка. «Других боевиков здесь нет!» – сказала моя мама. Тогда солдаты ушли и даже не стали нас обыскивать, – не без гордости рассказывает девятилетний Магомедарби из Грозного.

Увы, чеченские дети не только играли в войну, но и принимали в ней активное участие. Детям легче пройти через русские посты, и они становятся разведчиками и диверсантами.

– Все, в этом году везу его в горы к моджахедам, – показывая на своего одиннадцатилетнего сына, говорит мне знакомый чеченец. Заметив мой удивленный взгляд, любящий отец объясняет это решение:

– Год пусть поучится носить автомат, еще год стрелять. Эта война надолго.

В Чечне выросло новое поколение, сформировавшееся в военные годы.

Впервые с подобными людьми я столкнулся в Афганистане. Двадцатипятилетние афганские моджахеды показывали мне свои детские фото.

– Здесь нам по двенадцать лет, тогда мы еще не могли воевать наравне со взрослыми и, как все афганские дети, подкладывали бомбы под советские танки. Когда подросли, то смогли взять в руки оружие.

Мир этих молодых людей был необычен. По сути, их жизнь ограничивалась военными лагерями в Пешаваре и афганскими горами. Они не умели ни читать, ни писать, но зато умели

за минуту собрать автомат Калашникова с закрытыми глазами. Как-то мы укладывались спать, молодые афганские воины положили рядом с собой автоматы.

– Зачем вы это делаете? Ведь здесь нам ничего не угрожает? – спросил я.

– Привычка! – рассмеялись моджахеды.

Конечно, в Чечне все менее запущено. Но и в этой республике смута длилась с начала 90-х и до середины двухтысячных. Сегодня в Чечне не так мало молодых людей, которые не умеют толком читать и писать, не говорят по-русски, но зато великолепно умеют воевать и привыкли решать все вопросы с помощью силы. Кстати, к поколению «детей войны» можно отнести и нынешнего чеченского лидера Рамзана Кадырова. Напомним, что во время первой чеченской войны отец Рамзана был муфтием республики и участвовал в боях против федералов. Повоевать с российской армией успел и молодой Рамзан.

ГЛАВА IV. Женщины и война

Общеизвестно, что многие женщины из провинции идут в армию и на войну из-за относительно приличной зарплаты и в надежде выйти замуж. Увы, с этой категорией представительниц прекрасной половины человечества я фактически незнаком, а вот женщин-журналисток, работающих в горячих точках знаю достаточно хорошо.

Среди них было много (больше, чем среди мужчин) тех, кто ездил на войну из любви к острым ощущениям. Многие из них упивались военной романтикой. Так, одна из моих знакомых поехала в Чечню во время отпуска. Самое интересное, что материалов в свою редакцию эта дама почти не передавала: ей вполне хватало ощущений фронтовой жизни. Около года в Чечне провела украинская журналистка, якобы работая стрингером на никому не известные агентства, а в реальности просто тусуясь. Конец этой женщины трагичен: обвинив в шпионаже, ее убили боевики.

Часто среди таких журналисток попадались женщины с довольно своеобразной психикой. Так, одна корреспондентка фактически хвасталась историей своего изнасилования боевиком. Дело в том, что женщина пожаловалась на насильника его командиру, и тот приказал расстрелять преступника. Эту историю женщина рассказывала, не стесняясь, при своем женихе всем знакомым.

Кстати, про эту даму рассказывали и такую историю. Как-то в подмосковной электричке на нее напал бандит с ножом. Женщина сжала лезвие ножа рукой, и окровавленной ладонью провела по лицу бандита. Тот позорно бежал.

Иногда «изнасилование» использовалось просто как прием для резкого карьерного взлета. Так, одна из ныне очень известных скандальных журналисток объявила тележурналистам, что ее изнасиловали солдаты на войне в одной из бывших союзных республик. Репутация у дамы была такова, что над этим сообщением смеялись даже боевики противоборствующего лагеря. Но дело было сделано: журналистка мгновенно стала известна на всем постсоветском пространстве.

Многие журналистки восхищались «настоящими мужчинами» – чеченскими боевиками и даже вступали с ними в сексуальные связи. Особенно везло Шамилю Басаеву: многие женщины очень хотели пополнить им «коллекцию своих любовников». Длительные и серьезные романтические отношения с одним из чеченских полевых командиров были у одной из российских журналисток, погибшей в Чечне при невыясненных обстоятельствах. А одна французская журналистка и вовсе вышла замуж за полевого командира из чеченского аула Шали. Бурный роман «Париж – Шали» был светской новостью номер один у работающих в Чечне репортеров.

Увы, в отличие от журналисток, женщинам, живущим в горячих точках постоянно было не до «красивой любви». В середине 90-х вечерняя жизнь бара душанбинской гостиницы «Таджикистан» напоминала сценки отдыха американских солдат в сайгонском вертепе из западного фильма 70-х. Под бравурную музыку полузабытых уже западных ансамблей пировали военные-контрактники и офицеры российской армии. «Смирновская» лилась рекой, баночное пиво закупалось ящиками – военнослужащие, расслабляясь после боевой службы, тратили деньги легко, без сожаления.

Штатских мужчин здесь почти не наблюдалось – зарплату жителям республики не выплачивали годами, и среднему душанбинцу не по карману была не то что бутылка импортной водки, а обычный хлеб. Коротать вечера российским военнослужащим помогали местные русские красавицы. Взять проститутку на ночь здесь стоило всего лишь 20 долларов, но многие контрактники экономили и брали за эту же цену одну женщину на троих: предложение превышало спрос, и девушка обычно не возражала.

Было бы неверным считать всех сидящих в баре девушек путанами. Многие из них просто приобщались к «красивой», почти недоступной для них жизни, не теряя надежды, что кто-нибудь из военных оценит их по достоинству и, кроме постели, предложит руку и сердце. Местные газеты заполняли объявления: «Выйду замуж, познакомлюсь с российским военным».

Столь высокая популярность бойцов российской армии объяснялась просто. Их зарплата по местным меркам – просто фантастическое богатство. К тому же для многих таджикистанских славянок «военный – это не профессия, а средство передвижения» (современный вариант «застойной» шутки о евреях). Связав с ним судьбу, девушка через некоторое время уедет в богатую и сытую – по здешним представлениям – Россию.

«Страшноватая все-таки страна этот Таджикистан. Я только приехал и пошел прямо в форме погулять по парку, – рассказывал мне офицер-контрактник. – Подходит ко мне русская женщина лет двадцати пяти, миловидная, интеллигентная. Спрашивает, давно ли я служу в Таджикистане. В общем, разговорились. Она предложила мне себя на ночь, а взамен попросила купить ей продуктов на неделю. Ну, скупил я полрынка, приехали мы к ней, а там ее мать. И что меня поразило – старушка была мне очень рада. «Если бы не такие, как вы, то мы бы давно с голоду подошли!» – сказала она со слезами на глазах».

Увы, не только в Таджикистане, но и в большинстве других среднеазиатских республик торгующая собой единственный возможный заработок для многих женщин.

В регионе, за исключением Казахстана, трудно найти работу с зарплатой выше пары сотни долларов, и, чтобы выжить, женщины идут на любые ухищрения.

Одна из самых популярных работ – стриптизерша или проститутка в Китае, Юго-Восточной Азии и богатых арабских странах. И азиаты, и арабы предпочитают девушек европейской внешности; поэтому эта «престижная» в Средней Азии работа – прерогатива исключительно местных русских.

Масштабность проникновения среднеазиатских славянок в регион ЮВА просто поражает. Так, несколько лет назад в Бангкоке русские проститутки собирались на дискотеке в гостинице Novotel, однако в реальности все они были уроженками Средней Азии. Да что там Бангкок. Как-то судьба меня занесла в опиумный «золотой треугольник», а именно – в контролируемый повстанцами район на северо-востоке Бирмы. Посидев в местном баре, я вдруг почувствовал, что явно перебрал лишнего. Навстречу мне, покачиваясь, шли полупьяные молоденькие европейки и отчетливо матерились по-русски. Они оказались родом из Самарканда. Древнейшую профессию начали осваивать еще в Китае, однако затем, во избежание конфликтов с полицией, перебрались сюда.

Власти Узбекистана пытаются препятствовать этой «рабочей» миграции, а вот в Киргизии дело поставлено на поток – здесь действует множество посреднических фирм, поставляющих «европеек» сластолюбивым восточным азиатам. Увы, заработок девушек на этой работе редко выше двести-триста долларов в месяц: львиная доля дохода достается работодателю.

Другой способ выживания для местных женщин – это освоение «древнейшей профессии» у себя на родине. Цены просто бросовые. Так, в Ташкенте и Бишкеке секс на час стоит около 20 долларов, а в провинции в несколько раз меньше. Уровень качества такой, что ему могут позавидовать и тайские профессионалки. В бишкекских газетах, например, можно прочесть объявления такого содержания: «Посмотреть лесбийскую любовь, а затем и самому присоединиться к двум очаровательным подружкам. Это удовольствие можно получить всего за 1500 сом (около \$40. – *Прим. авт.*)». Даже по стилю бишкекские бордели напоминают тайские: клиент сидит за чашкой кофе в кресле, выбирая среди танцующих перед ним полуголых красавиц.

Работающие в регионе иностранцы по достоинству оценили преимущество местной жизни. Знакомый итальянец, сотрудник одной из международных миссий, почти плакал, уезжая из Бишкека. «Великолепные, почти дармовые рестораны, обилие готовых на все краси-

вейших женщин – это не жизнь, а рай! А в моем чертовом Милане проститутка на полчаса сто евро стоит. О мадонна, зачем ты меня заставляешь возвращаться в эту глупую Италию!»

В отличие от иностранцев, местные женщины идут на все, чтобы вырваться из этого «рая». Мечта почти любой из них – найти зарубежного «принца». И здесь, опять же, славянки имеют существенные преимущества перед девушками коренных народов Средней Азии: американцы и европейцы женятся на них, как правило, более охотно.

Моя местная приятельница Вероника, 30-летняя мать-одиночка с двумя детьми, нашла через брачное агентство 50-летнего бизнесмена из Нью-Йорка Джона, мечтавшего жениться на русской женщине. Для великодушного американца чужие дети не были препятствием, и он «готов был заботиться о них, как о своих собственных». Для моей подруги, пытавшейся прожить со своими детьми на зарплату в сто долларов, упускать такой шанс было просто преступно. На пути к счастью потенциальных молодоженов было несколько существенных препятствий: Вероника совершенно не знала английского, за границей не бывала ни разу и слабо представляла себе, о чем вообще можно разговаривать с иностранцем.

И тут ее осенило. Из Америки трудно определить, кто именно пишет письма. Так почему бы не порекомендовать переписку человеку, жившему в США и хорошо знающему эту страну, то есть мне? Я принял предложение Вероники и начал от ее имени общаться по Интернету с заокеанским собеседником (в присутствии Вероники). С Джоном мы нашли общий язык сразу. Узнав, что я горнолыжник (то есть горнолыжница), он тут же написал мне (то есть Веронике), что тоже обожает горы и у него есть дача в Аппалачах с собственным подъемником. Заботливый американец очень надеялся, что «моим» детям понравится кататься в этом необычном для них месте.

Джон писал Веронике ежедневно. Он с юмором описывал свои будни, и скоро мне начало казаться, что я знаю его всю жизнь. Но потом в этой истории наступила неожиданная развязка. Я уехал в отпуск на родину Джона, а Вероника стала переписываться с ним с помощью компьютерного переводчика. Через две недели терпение американца лопнуло: «Я написал вам десять больших писем, а вы мне лишь две короткие отписки. Я думаю, что мы не подходим друг другу. Счастливо вам!»

После «облома» с Джоном Вероника через посредническую фирму нашла работу стриптизершей в Китае. Я было упрекнул ее в безнравственности, но получил решительный отпор: «Тебе легко осуждать людей и быть таким белым и пушистым со своей западной зарплатой и квартирой в Москве. А я, чтобы мои дети с голоду не подошли, на что угодно пойду! Между прочим, я такая же, как ты, русская, просто мне не повезло родиться в нужном месте и в нужное время».

Глава V. Журналисты на войне

Репортеры, постоянно работающие в горячих точках, – люди не совсем обычные. Их, условно, можно разбить на три группы.

Первая, и, пожалуй, наиболее многочисленная, – это те, кто приехал на войну ради больших денег. Так, российский стрингер, работавший на западные СМИ в зонах конфликтов бывшего СССР, мог заработать в день более 200 долларов США.

Немаловажный мотив для поездки в горячую точку – желание прославить свое имя в журналистике. Нередко журналисты получали мировую (или, по крайней мере, всероссийскую) известность, передав всего лишь один репортаж.

И наконец, в горячие точки нередко ездили люди с ярко выраженной авантюристической жилкой, которые чувствуют себя неуютно в мирной жизни.

Многие «ветераны горячих точек» принадлежат к «смешанному» типу, и у них присутствует как минимум два из перечисленных выше мотивов, подталкивающих их к постоянным поездкам в зоны конфликта.

Заранее предвижу возражения, что можно выделить в отдельную категорию журналистов, едущих в зону конфликта лишь для того, чтобы помочь оказавшимся в беде людям. Увы, в действительности таких среди представителей СМИ – лишь ничтожное меньшинство. Подобные люди довольно часто встречаются в различных гуманитарных организациях, но очень редко среди репортеров.

Пожалуй, наиболее необычны те журналисты, которых можно условно отнести к категории авантюристов (пусть и в хорошем значении этого слова).

– Вначале я ездил на войну просто по долгу службы, но постепенно такие поездки превратились для меня в своеобразный наркотик. Если я долго оставался в Москве, то начинал себя чувствовать неуютно, нервно, – делится со мной один из журналистов – ветеранов чеченских войн.

Ярким примером таких людей был мой друг, японский политолог Ютака Акино, с которым мы вместе работали на разных войнах распавшегося Союза. Ютака признавался мне, что японская жизнь для него «слишком размеренна». По-настоящему же счастливым он чувствует себя лишь в тех местах, где испытывает трудности и лишения. Как-то в Токио мы зашли в синтоистский храм, где полагалось загадывать желание. Мой друг загадал, чтобы в следующем году у него было «десять трудностей и восемь несчастий».

– Я сильный человек и должен пройти большие испытания, – пояснил Ютака свой, мягко говоря, необычный поступок.

Конец моего друга был трагичен. Он устроился работать в миссию ООН в Таджикистане и был убит боевиками в горах республики. В японской прессе Ютаку «окрестили» «последним самураем».

Глава VI. Ностальгия по СССР

«Мы жили как в раю!»

«Настанет день, когда жизнь в прежнем СССР мы будем вспоминать как лучшие годы», – убеждал меня в далеком 1991 году солидный дядечка, депутат непризнанной Приднестровской Молдавской Социалистической Республики. Тогда я лишь посмеялся над этим высказыванием, но, как мне пришлось позднее убедиться, этот прогноз оказался верен для многих жителей бывшего СССР. Особенно сильна была тоска по распавшемуся Союзу в неблагополучных регионах.

Так, если в России после распада СССР стало лучше жить довольно много людей, то в среднеазиатских республиках (за исключением Казахстана) кроме ничтожной по численности прослойки новоявленных феодалов и баев после крушения коммунистической системы гораздо хуже стали жить все местные жители.

Сегодня Средняя Азия – это, пожалуй, единственное место в мире, где российский паспорт является предметом зависти и уважения. «Настоящая» заграница для местных жителей – несбыточная мечта; отказы в визе в американских посольствах достигают здесь 90 %. Олицетворение успеха для уроженца Центральной Азии – найти работу в Москве или, на худой конец, в любом крупном российском городе.

Регион медленно, но верно возвращается в Средневековье. В местных кишлаках живут практически натуральным хозяйством. Пашут здесь, как в древние времена, на волах, а зерно мелют на водяных мельницах. Неудивительно, что жители Средней Азии вспоминают с ностальгией о временах СССР.

В одном из отдаленных сел горного Таджикистана меня пригласил к себе в гости местный пенсионер Ахмед. Как выяснилось, этот симпатичный старик специально хотел оказать мне знаки уважения, как представителю Москвы, ассоциирующейся в его сознании с «великим Советским Союзом». Еще в 20 лет Ахмед потерял ногу в результате несчастного случая, и ему выделили пенсию по инвалидности в 80 рублей и автомашину. Он стал работать завклубом, женился, вырастил четверых детей.

«Денег хватало с избытком. Мы даже брали путевки и каждый год ездили отдыхать в санаторий, куда-нибудь в Россию», – вспоминает пенсионер. Ахмед пытается угощать меня с размахом – он поставил на стол все, что у него есть из еды: хлеб, молоко, сушеный тутовник и яблоки. На другие яства рассчитывать просто глупо: дети старика – безработные, и единственный денежный доход семьи это его пенсия в размере нескольких долларов. «Мы жили как в раю и даже не понимали этого», – пытается убедить меня старик.

Естественно, о временах СССР тосковали и жители горячих точек. Если бы я рассказывал этим полуголодным, живущим в неотапливаемых подвалах людям, что в постперестроечное время они получили свободу слова и возможность путешествовать по всему миру, то они посмотрели бы на меня как на сумасшедшего, в лучшем случае.

Самое интересное, что горячими приверженцами советской системы часто были не только мирные жители, но и боевики, защищающие с оружием в руках идеи, весьма далекие от коммунистической идеологии. Так, во время гражданской войны в Таджикистане многие рядовые бойцы-исламисты говорили мне, что они за «Советский Союз и исламскую республику». Во время первой чеченской войны многие воевавшие с федералами боевики на чем свет клеймили «развалившегося» Советский Союз Горбачева и с ностальгией вспоминали о доперестроечных временах, когда, к слову говоря, ни о какой независимой Ичкерии не могло быть и речи.

В этом отношении примечательна история, рассказанная автору грузинским политиком Георгием Заалишвили, который в конце 90-х прошлого столетия более года провел в плену у чеченских боевиков. «Почти все бандиты, у которых я находился, сражались с федеральными войсками, защищая независимость Чечни. Но самое интересное, что эти же люди вспоминали советские времена, как лучшие дни своей жизни. Мне особенно запомнился один бывший тракторист, потерявший все свои сбережения во время денежной реформы Павлова. Почему-то во всех своих бедах он винил именно меня. От этого «механизатора» мне часто доставалось, а он, избивая меня, приговаривал при этом: «При коммунистах я был богатым человеком, а теперь я вынужден воевать с русскими и торговать заложниками!»

Я отнюдь не разделяю коммунистическую идеологию, однако для отсталых регионов СССР, получавших от России обильные дотации, а также вполне квалифицированных специалистов и преподавателей, этот строй был действительно очень выгоден. Доказать это легко и просто. Так, чтобы понять, какие плюсы принесла советская власть той же Центральной Азии, достаточно побывать в соседних с ней провинциях северного Афганистана, заселенного теми же таджиками и узбеками, не испытывшими на себе «бремя российской колонизации». Контраст просто колоссальный.

Коммунизм с индейским лицом

Вообще, как я убедился, коммунистические идеи очень популярны в бедных странах. Перебравшись в США, я часто путешествовал по странам Латинской Америки и был просто поражен, насколько в этом регионе популярны прокоммунистические левые идеи.

Причем у местных левых были действительно достаточно убедительные доводы. Как-то я отдыхал в Доминиканской Республике. Несмотря на просто райские условия жизни для иностранного туриста, эта страна произвела на меня гнетущее впечатление.

Очень много местных женщин, чтобы прокормить себя и своих детей, вынуждены заниматься проституцией, а местному простому парню легче всего было заработать бандитизмом или торговлей наркотиками.

На таком фоне опыт социалистической Кубы (до распада СССР) был достаточно успешен. В стране была уничтожена неграмотность, а продолжительность жизни была одна из наиболее высоких в Латинской Америке. Если не учитывать ничтожную прослойку зажиточных латиноамериканцев, то кубинцы жили лучше, чем во многих странах региона. Другое дело, что такое относительное благополучие было возможно только при дотациях от СССР.

А ведь до прихода к власти Фиделя Кастро, экономические показатели Кубы и Доминиканы были близки.

Во время моих путешествий по южной Мексике и Гватемале я был просто поражен, насколько убого живут местные индейцы майя. Большая часть их малограмотны и с трудом говорят по-испански. Майя ходят в национальной одежде, спят в убогих однокомнатных жилищах, готовят еду на дровах, и даже обычный мобильник считается у них предметом роскоши. Среди них очень много алкоголиков – спящих на улице пьяных можно увидеть гораздо чаще, чем в России. В местных магазинах практикуется такая необычная услуга: за 6 центов здесь дают понюхать опорожненную бутылку текилы.

Как я выяснил у местных жителей, вырваться из такого «порочного круга практически невозможно» – ребенок, родившийся в бедной деревушке, так и умрет бедным крестьянином.

Увы, и после крушения СССР левые идеи очень популярны в Латинской Америке. СССР здесь по-прежнему помнят и любят. «Почему вы забыли Ленина?!» – довольно часто упрекали меня латиноамериканцы. А однажды я и вовсе попал в неприятную ситуацию.

Как-то в индейском районе Гватемалы, когда я сообщил местной школьной учительнице, что я из России, то ее ликование не было предела. Однако, как только я сказал, что сейчас живу в Америке, ее как подменили: «Вы – предатель. Я люблю Россию именно за то, что она не боится США и борется с американским империализмом. Дай бог здоровья синьору Путину!»

Индейцы-майя не любят американцев. Моего знакомого русского из Литвы двое аборигенов с мачете хотели ограбить на горной дороге. Однако мой приятель объяснил бандитам, что он не гринго, а «такой же, как они». Ему поверили и отпустили с миром.

Антиамериканские сантименты майя объяснимы. Пятнадцать лет назад в Гватемале окончилась длившаяся тридцать шесть лет кровопролитная гражданская война, в которой аборигены поддерживали коммунистических повстанцев.

Во времена СССР я был убежденным антисоветчиком, однако знакомство с историей Латинской Америки не то чтобы изменило мои взгляды, но заставило посмотреть на проблему в иной плоскости. Опасаясь прихода к власти коммунистов, а нередко и просто чтобы обеспечить надежную прибыль американским компаниям или политическую стабильность, Вашингтон часто поддерживал редкостных негодяев.

Так, Америка помогала гаитянскому диктатору Франсуа Дювалье. Этот милый человек любил лично пытаться своих противников. Особенно он гордился своим изобретением – шкатул-

кой-человеко-выжималкой: сжимающимся футляром с прикрепленными кинжалами с внутренней стороны.

Другой друг США, никарагуанский диктатор Анастасио Сомоса Гарсио переделал в тюрьму одно из крыльев своего дворца. Все камеры были выполнены в форме гробов, поставленных на пол – в них можно было только стоять. Был в резиденции и зверинец с хищниками – диктатор любил кормить их мясом своих жертв.

Примеры таких американских протезов можно множить. Поэтому неудивительно, что в Латинской Америке были сильны антиамериканские настроения и, как следствие этого, симпатии к коммунистам.

Левые (часто белые) умело используют бедственное положение индейцев, их дискриминацию со стороны потомков колонизаторов для борьбы с «капиталистами». Поскольку США в Латинской Америке традиционно поддерживали правящий класс, сплошь состоящий из потомков колонизаторов, то такая борьба активно сопровождается агрессивной антиамериканской риторикой.

Причем это характерно не только для Гватемалы и зоны расселения майя в Мексике, но и для всех стран Латинской Америки.

Наиболее хрестоматийный пример – Уго Чавес, чья левая и антиамериканская риторика находила поддержку в первую очередь среди коренного населения страны.

Сегодня «революция аборигенов» уже произошла практически во всех «индейских странах» Латинской Америки: Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Перу. Причем, может быть за исключением Перу, во всех этих странах к власти пришли ярко выраженные левые, откровенно антиамериканские политики.

Ситуация начала меняться и в «белых» странах Латинской Америки. Если еще несколько десятков лет назад метисы пытались забыть о своей индейской крови и однозначно ориентировались на систему ценностей бывших метрополий, то сейчас, напротив, принято выпячивать своеобразие коренных народов региона и пытаться сопротивляться американской глобализации. Первой по этому пути пошла Никарагуа. А потом эта тенденция стала распространяться и на другие страны региона. В результате умеренно левые режимы сегодня установились в Бразилии, Аргентине и Чили.

Ситуация складывается парадоксальная: во времена соперничества с СССР США делали все, и не без успеха, чтобы «коммунистическая зараза» не распространилась в Латинской Америке. Казалось бы, после коллапса Советского Союза Белый дом мог вздохнуть спокойно. Но неожиданно рассадник левых идей плавно переместился из «обуржуазившейся» России в Латинскую Америку.

Глава VII. Донбасс и Приднестровье: найди десять отличий

«Пиши правду»

В мае 1991 года я впервые поехал в журналистскую командировку в Молдову. Кишинев казался по-южному беззаботным и приветливым. В утопающих в зелени парках гуляли мамы с детьми, в ресторанах подавали вкусную балканскую пищу и прекрасное вино. Атмосфера в городе мне показалась просто курортной.

«Тоже мне, нашел курорт! Скоро русских из автобусов начнут выкидывать, а ты тут жизнью наслаждаешься», – огорошила меня кишиневская русскоязычная знакомая. Ее страхи были объяснимы. Народный фронт Молдовы выступал за воссоединение с Румынией. Местная интеллигенция требовала признать идентичность молдавского языка румынскому и придать ему статус единственного официального. Периодически, хотя и редко, на митингах местных националистов можно было услышать лозунги: «Чемодан, вокзал, Россия!», «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр».

Правда, лично я за две недели пребывания в Кишиневе не чувствовал даже намека на опасность. Все люди были очень доброжелательны со мной, и никто ни разу не упрекнул меня, что я говорю по-русски.

Побывал я и на ежедневной «тусовке» националистов (они же по совместительству демократы), собиравшихся в центральном кишиневском парке около памятника Штефану Чел Мару (один из самых видных правителей Молдавского княжества). Мне запомнился один из агитаторов – красивый мужчина с роскошными усами. Главный тезис его выступлений был, что «знание молдавского языка – это плата за гостеприимство». Он долго говорил с какой-то молодой женщиной на русском, а потом она, запинаясь, перешла на молдавский. Это была русскоязычная молдаванка. Многие городские молдаване в советское время стеснялись говорить на родном языке.

Здесь я встретил и литовца, который на правах более опытного «специалиста» объяснял молдаванам, как бороться за независимость. Мимо прошел пьяный мужичок, и местные активисты тут же объяснили прибалту: «Это наша боль! В новой независимой Молдове алкоголизм исчезнет!»

Тем не менее и активисты у памятника не производили впечатления злых людей и со мной – русским из Москвы – все были очень доброжелательны. Увы, местные славяне не разделяли мою беззаботность: «Это только начало. Атмосфера сгущается». Однако, как выяснялось, настоящие страсти кипели не в Кишиневе, а приблизительно в двух часах езды от него – в Приднестровье.

Здесь, на левом берегу Днестра, преобладали русские и украинцы. Напуганные «румынизацией» жители Левобережной Молдовы, а также города Бендеры в 1990 году провозгласили Приднестровскую Молдавскую Советскую Социалистическую Республику (ПМССР), естественно, непризнанную официальным Кишиневом. Основной силой сепаратистов стал Объединенный совет трудовых коллективов Тирасполя, не скрывавший своих симпатий к коммунистической идеологии.

Когда я приехал в Тирасполь – столицу самопровозглашенной ПМССР, – обстановка в городе была наэлектризована до предела. Создавалось впечатление, что люди забыли о всех своих домашних делах и живут лишь в нервном ожидании «интервенции» с правого берега. На мою беду все местные безошибочно вычисляли во мне заезжего репортера и с ходу начинали

читать мне лекцию о «румынском фашизме» – уклониться от разговора было просто невозможно. При этом почти все мои собеседники жутко обижались, что в Кишиневе их называют сепаратистами. Почему-то это слово они воспринимали не как термин, а как ругательство. Заканчивали приднестровцы беседу со мной всегда одинаково: просьбой (а если точнее, требованием) «писать правду».

На центральной площади города почти непрерывно шли митинги. Тысячи людей выкрикивали: «Приднестровье! Румынский фашизм не пройдет!» Периодически какая-нибудь дородная тетушка выбегала на середину площади и поднимала вверх руки: собравшиеся немедленно замолкали – это был знак, что человек просит слово. Было очевидно, что тираспольчане наслаждались такой «стихийной демократией», ощущали себя «вершителями истории». Атмосфера всеобщего возбуждения настолько захватывала, что даже я, помимо своей воли, начинал сочувствовать митингующим.

Правда, несмотря на искренность людей, было очевидно, что кто-то ими все-таки управляет. Так, на митингах мне приходилось видеть старушек с плакатами: «Дети Приднестровья против румынского фашизма» (плакаты делались централизованно, и иногда в спешке демонстранты брали не то, что им положено).

В Тирасполе я впервые столкнулся с ностальгией по СССР, попыткой «законсервировать уходящую эпоху». Эпитеты «советский» и «социалистический» в названии непризнанной республики были далеко не единственными приметами советского времени в местной жизни. Любовь к уходящей эпохе здесь проявлялась даже в мелочах: молодожены по-прежнему возлагали цветы к памятнику Ленину, а местные ученицы носили классическую советскую школьную форму (с белыми колготками и фартуком). «Это у вас там в Москве кооперативы открывают да Ленина поносят. А у нас как было все по-старому, так и останется!» – со слезами на глазах говорил мне ветеран Великой Отечественной.

Добровольцы

Побывал я и на позициях добровольцев из России. Кстати, именно на войне в Приднестровье впервые появились так называемые казаки. Лично на меня они произвели впечатление чего-то несерьезного и очень напомнили членов какого-нибудь исторического клуба. Эти люди охотно позировали перед журналистами в своих нарядах начала XX века.

Запомнился мне и ныне знаменитый казачий активист (был Верховным атаманом Союза казачьих войск России и Зарубежья до 2005 года) Виктор Ратиев. Сегодня бывший атаман организует отправку казаков на Донбасс, называет российского президента «царем» и обещает лично пороть критикующих Путина казаков.

В Приднестровье карьера Ратиева лишь начиналась, и тогда он буквально навязывался на интервью журналистам. Передвигался атаман по республике в сопровождении своего «пресс-секретаря» – смотревшей на него влюбленными глазами местной девушки, а изъяснялся исключительно матом.

Кстати, все добровольцы жаловались мне на «предательство» как союзных, так и российских властей. «Мы тут жизнью рискуем, защищая славян, а нас там, в России, как прогульщиков с работы выгоняют!» – говорили мне не слишком трезвые казаки.

Был у казаков и еще один повод для недовольства российскими властями: «Мы – главные защитники России, а в Москве не хотят возродить казачьи войска».

«Серый кардинал»

Впоследствии я бывал в Приднестровье неоднократно, и каждый раз меня принимал (впрочем, как и других журналистов) сначала пресс-секретарь президента, а затем и госсекретарь непризнанной республики Валерий Лицкай. В относительно небольшом и очень провинциальном Тирасполе этот невысокий, с солидным брюшком человек выделялся своей вполне столичной интеллигентностью и эрудицией. И это было неудивительно: хотя Валерий и родился в Тирасполе, до начала приднестровского конфликта он работал преподавателем в Кишиневском, а еще раньше Гаванском университетах.

Очень многие журналисты (включая меня) из-за обилия коммунистических символов в ПМССР относились с недоверием к непризнанной республике. Задача Валерия Лицкая была убедить таких скептиков, что весь этот антураж лишь несущественная деталь, а в реальности во главе республики стоят образованные прогрессивные люди, стремящиеся сохранить славянскую идентичность Левобережья.

Валерий Лицкай был настолько обаятелен и красноречив, что журналисты поддавались его аргументам. Тем более было очевидно, что именно этот образованный, тонкий человек является ключевой фигурой в республике, по сути, ее «серым кардиналом».

«Агенты Кремля»

В Кишиневе же на приднестровских сепаратистов смотрели как на марионеток Кремля, послушно выполняющих волю союзного Центра. Здесь любили рассказывать историю, как председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов говорил тогдашнему президенту Молдовы Мирче Снегуру: «Не хотите приднестровской проблемы – подписывайте союзный договор!»

Настоящий восторг в Кишиневе вызвала поддержка августовского путча Объединенным советом трудовых коллективов Тирасполя. Эта организация опубликовала в своей газете «Трудовой Тирасполь» такое заявление: «Мы целиком и полностью поддерживаем решительные меры Государственного Комитета по чрезвычайному положению СССР, исполняющего обязанности президента страны и руководства СССР, направленные на сохранение нашей великой Родины, на стабилизацию общественно-политической обстановки». В Кишиневе утверждали, что точно такое же обращение должно было быть напечатано и в правительственной газете непризнанной республики, но в последний момент руководство ПМССР благоразумно решило выждать паузу.

Естественно, что все эти «звоночки» работали на молдавских сторонников независимости. А вскоре в прессе появились неопровержимые доказательства, что Валерий Лицкай в советское время был штатным сотрудником КГБ и, в частности, выполнял деликатные поручения на Кубе. Интересно, что после этого «разоблачения» лидеры Приднестровья и не пытались отпираться, а в открытую признались мне, что выполняли волю Кремля.

«Да, приднестровская революция направлялась из Центра, но это возможно сделать лишь, если население действительно очень недовольно. В Прибалтике мы тоже хотели пойти этим путем, но там не получилось», – объяснил в доверительном разговоре со мной один из лидеров местных «сепаратистов».

«Кремлевский след» прекрасно объяснял и другие приднестровские странности: так, например, то, что сюда в массовом порядке переехали бывшие бойцы ОМОНа из прибалтийских республик, а министром безопасности стал рижский сотрудник уголовного розыска Владимир Антюфеев (сменивший в Приднестровье имя на Вадим Шевцов), «прославившийся» своей борьбой против «латышских фашистов».

Шевцова в Приднестровье откровенно боялись. Про его жестокость, помноженную на, возможно, вымышленные истории о его «кровавом прошлом», слагали легенды. Но, может, именно этот страшный имидж помог местному чекисту ликвидировать действовавшие в самопровозглашенном государстве молдавские диверсионные группы и, самое главное, справиться с полубандитской вольницей многочисленных местных полевых командиров. Во многом благодаря этому человеку Приднестровье смогло стать хоть и непризнанным, но состоявшимся государственным образованием.

Я несколько раз встречался с Вадимом Шевцовым. И должен признаться, что под его холодным цепким взглядом чувствовал себя не очень уютно. При разговорах о демократии на лице бывшего опера появлялась откровенная усмешка. Свое жизненное кредо он выражал короткой фразой: «Мне за державу обидно!»

Параллели с Донбассом

Когда в Восточной Украине зародилось сепаратистское движение, то у меня появилось устойчивое ощущение дежавю: все это мы уже «проходили» в Приднестровье. Действительно, сходство просто поразительное: бешеный энтузиазм населения, те же обвинения в фашизме правого берега – в одном случае Днестра, в другом Днестра. Приднестровцы говорили, что согласны быть молдаванами, но не румынами; жители Донбасса заявляют, что они украинцы, но не «бандеровцы».

Интересно, что и на Донбассе, и в Приднестровье сепаратистская пропаганда умышленно нагнетала страсти. Так, в дни штурма Славянска украинской армией на улицах города висели такие плакаты: «Если ты не хочешь, чтобы твои жена и дети оказались в фильтрационных лагерях – вступай в ополчение!» В Приднестровье местным жителям умело внушали, что после «неминуемого присоединения Молдовы к Румынии все славяне будут объявлены людьми второго сорта».

Так же как и в Приднестровье, на Донбассе пытаются законсервировать, а по возможности и возродить советское прошлое: это и забота о памятниках Ленину (в противовес разрушающим их «бандеровцам»), и сохранение советских названий улиц, и даже демонстративное введение советской школьной формы.

Однако, конечно же, главное, что оба конфликта управляются Кремлем. По сути, для Москвы Приднестровье было «учебным полигоном» перед Донбассом. Донецкую и Луганскую народные республики создавали «специалисты по непризнанным государствам» из Приднестровья. Так, бывший глава МГБ ПМР Владимир Антюфеев одно время работал заместителем председателя «совета министров ДНР», бывший вице-президент ПМР Александр Караман занимал пост «министра иностранных дел ДНР».

«В Приднестровье выросла плеяда кризис-менеджеров, которые могут работать в условиях внешней угрозы. Они поддерживают идеи «Новороссии», которая тоже борется за право отстоять свою самобытность. Их пригласили – они поехали, здесь ничего странного нет», – откровенничает приднестровский депутат Анатолий Дирун. Обкатку на приднестровской войне прошли и Игорь Стрелков, и бывший премьер ДНР Александр Бородай.

Однако, по сравнению с приднестровским конфликтом, Кремль на Донбассе действует значительно более решительно и открыто и фактически не скрывает своего сочувствия к «повстанцам», тогда как во времена позднего СССР, хотя Кремль и инспирировал приднестровский сепаратизм, действия по сохранению империи были вялыми и непоследовательными.

Изменилось и отношение к «совковости» сепаратистов. В ельцинское время и власти, и уж тем более журналисты демократических изданий в лучшем случае «стыдились» коммунистических симпатий приднестровцев. Сейчас все по-другому: после заявления Владимира Путина о том, что «распад СССР был величайшей трагедией», любовь донбассцев к советскому наследию толкуется официальной пропагандой как уважительное отношение к прошлому.

Иначе ведет себя Москва и по отношению к российским добровольцам. Сегодня воюющие на Донбассе россияне преподносятся пропагандой как герои. Не секрет, что практически в каждом воинском подразделении донбасских сепаратистов есть «комиссары» (офицеры российской армии). С их помощью Москва эффективно контролирует как местных ополченцев, так и прибывших из России.

Не забыл российский президент и казаков. Подписанный им закон о государственной службе казачества легализует их воинские соединения. Сегодня казаки являются одними из самых преданных сторонников российской власти, а следовательно, Кремль может контролировать их действия на Донбассе.

А в общем, по сути Владимир Путин делает в Донбассе то же, что делали в Приднестровье Михаил Горбачев и Борис Ельцин. Но в отличие от безвольного генсека и сильно пьющего первого российского президента, нынешний лидер страны куда более последователен и решителен.

Глава VIII. Абхазское эхо

Ненависть против ненависти

Вторжение российских войск в Грузию и последующее вскоре после этого признание Кремлем независимости Абхазии и Южной Осетии вызвало бурю возмущения в мировом сообществе. Однако, вне зависимости от того, как относиться к «российскому империализму», очевидно, что восстановление территориальной целостности Грузии в ближайшие годы нереально: взаимные обиды между титульным народом и национальными меньшинствами слишком велики и по-прежнему остаются в памяти народов.

Мое знакомство с повадками грузинских «солдат» во время абхазской войны произошло практически тотчас же, как я пересек российскую границу и оказался в курортном поселке Леселидзе. Подошедший ко мне «воин» едва держался на ногах под воздействием наркотиков. Направив на меня автомат, боец потребовал сигареты, и я протянул ему одну. «Нет, давай пачку!» – с трудом выговорил вояка. В силу молодости у меня отсутствовало чувство самосохранения, и я спокойно объяснил, что я журналист и грабить меня не рекомендуется. Как ни странно, аргумент подействовал, боец потерял ко мне интерес, и дико хохоча, стал расстреливать из автомата дорожный знак с надписью «Леселидзе».

Вторгшиеся в 1992 году в Абхазию грузинские войска по существу представляли полууголовные формирования. Их костяк составляли боевики вооруженного соединения «Мхедриони», возглавляемые вором в законе и по совместительству профессором искусствоведения Джабой Иоселиани. Эти «воины», одетые в самую разнообразную и нелепую одежду (мне приходилось видеть даже боевиков, выряженных в ковбоев), занимались не столько восстановлением территориальной целостности, сколько личным обогащением. «КамаЗы» с награбленным непрерывным потоком шли в сторону Тбилиси.

Расположившись в домах предусмотрительно сбежавших местных жителей, «солдаты» растапливали печки хозяйской мебелью. Степень блаженства была столь велика, что защитники территориальной целостности ленились выходить на улицу и справляли нужду прямо в комнате.

Джаба Иоселиани в открытую оправдывал мародерство своих подчиненных. «Война есть война. Нам нужно думать не о таких мелочах, а о том, как уничтожить главного мародера – Ардзинбу», – убеждал меня искусствовед.

Как это ни парадоксально, лидер Мхедриони действительно производил впечатление интеллигентного и по-своему обаятельного человека. Я искренне верю, что его диплом искусствоведа не был куплен. Но именно «благодаря» этой противоречивой и, несомненно, очень неординарной личности, против грузин стали воевать и абхазские армяне, придерживавшиеся сначала нейтралитета в конфликте, и даже местные русские.

Как только успех перешел на сторону абхазов, они сторицей отплатили своим недавним мучителям. После того как Сухуми был взят абхазскими войсками, местные жители вывесили на дверях домов платки: зеленый, если их хозяева абхазы, и красный, если их хозяева армяне или русские. Дома же, принадлежавшие грузинам, теперь считались ничейными.

Львиную долю формирований абхазской армии составляли россияне: добровольцы из республик Северного Кавказа и славяне (в основном так называемые «казаки»).

Кстати, именно в Абхазии мне довелось встретиться с впоследствии знаменитым террористом Шамилем Басаевым. У штаба северокавказских добровольцев в Сухуми я спросил невысокого щуплого молодого мужчину, где я могу найти их командира. «А вы кто?» – заметно

смущаясь, спросил меня боевик. Узнав, что я корреспондент, незнакомец ответил: «Я и есть Басаев – спрашивайте».

Тогда знаменитый террорист казался застенчивым человеком. Чувствовалось, что он еще не привык общаться с журналистами, побаивается их и старается отвечать так, чтобы не попасться на «провокационные» вопросы. Если честно, то я уже смутно помню, о чем я конкретно говорил с Шамилем; единственное, что запомнилось, – он непрерывно подчеркивал, что «в отличие от Таджикистана – это не религиозная война».

Зверств северокавказских боевиков в Абхазии своими глазами я не видел, а вот неблагоприятное поведение славянских добровольцев мне удалось испытать на собственном опыте.

Как я уже писал, однажды я чем-то не понравился пьяному казачьему атаману, воевавшего на стороне абхазов, и он решил пошутить. Дико хохоча, бравый вояка трижды дал автоматную очередь поверх моей головы. Действие происходило на территории российского военного санатория, охраняемого бравыми русскими десантниками. Увы, военные не могли мне помочь. Прибежавший на выстрелы молодой лейтенант далеко не сразу сумел уговорить кубанца прекратить упражнения в стрельбе.

«Он мог запросто тебя убить. Он же стрелял на отлет, руки дрожали, а пьяному легко промазать. Их поселили сюда по указанию нашего Минобороны, хотя они не являются военнослужащими. Каждый вечер они устраивают тут пьяный дебош со стрельбой, мы ничего не можем с ними поделать», – жаловался мне русский офицер.

Это «покушение» на мою жизнь казака в конечном счете помогло мне в сборе информации. На следующий день атаман протрезвел, и его явно мучили муки совести: «Вот, возьми «свои» пули. Чем я тебе могу помочь?»

Я попросил отвезти меня в только что занятый абхазской армией город Гали на границе с Мингрелией. В ответ лидер казаков пригласил меня позавтракать с его «войском».

На завтрак подали свежайшее мясо телят, подстреленного сегодня утром в ближайшей грузинской деревне, а также красное вино – ни чай, ни кофе казаки не признавали. После трапезы на «уазике» с казачьими символами я был торжественно без остановок на блокпостах (солдаты отдавали нам честь) доставлен в Гали.

Журналистов в этот город в то время категорически не пускали, и, оказавшись в нем, я сразу понял почему. До войны 90 % населения города составляли грузины, и практически все они бежали из республики. Больше всего в городе поражала тишина: безлюдные улицы, вымершие дома. Во многих опустевших жилищах горел свет, из крана лилась вода – создавалось впечатление, что на город сбросили нейтронную бомбу, которая, уничтожив все живое, оставила в целостности и сохранности материальные ценности.

Однако эта иллюзия развеивалась достаточно быстро. Иногда к какому-нибудь дому подъезжал грузовик, и вышедшие оттуда абхазские крестьяне начинали деловито снимать шифер с крыши, выносить понравившуюся им мебель. На многих домах висели записки: «Братья! Этот дом уже занят нами. С уважением (подпись кого-то из полевых командиров абхазской армии)». Город оказался поделен между победителями.

Эти мои записки отнюдь не претендуют на детальное описание того, что происходило в этой республике в ту трагическую пору. Я уверен, что был свидетелем лишь малой толики ужасов, которые происходили в те дни в Абхазии. Но даже из того, что я увидел, на мой взгляд, ясно: взаимные грехи и обиды столь велики, что на преодоление последствий этого конфликта уйдут еще долгие годы.

Возвращения грузинских беженцев официальный Сухуми никогда не допустит. Ведь тогда грузины станут вновь самым многочисленным этносом в республике. Даже до войны абхазов, мягко говоря, раздражал этот факт, а уж после пережитых мучений они просто костями лягут, чтобы их недавние «мучители» не вернулись домой.

Однако и абхазские грузины никогда не смирятся с потерей крова и будут помнить о той травле, которую пережили. Потеря Абхазии и то, как это произошло, воспринимается как национальное унижение практически всеми грузинами. И они сделают все, чтобы взять реванш.

Сухумский вишневый сад

В первый год после того, как абхазы одержали победу над грузинами, Кремль не пускал в новое независимое государство россиян. Мне же, как журналисту, очень хотелось посмотреть, чего же добился титульный народ после «освобождения». Благо пограничная речка Псоу – очень мелкая, а местные жители вызвались показать мне «надежный брод». Все шло хорошо, но уже около абхазского берега я попал в яму и окунулся с головой. В результате намок не только мой паспорт, но и деньги, которых, из-за тогдашней инфляции, у меня с собой было несколько пачек. Добравшись до ближайшей абхазской деревни, я попросился в один из домов просушить вещи.

Деньги я сушил, облепив купюрами ведро. По местным понятиям у меня с собой была просто огромная сумма, и я, боясь быть ограбленным, пытался скрыть от хозяев, что именно делаю у ведра. Увы, моя тайна была раскрыта. Пожилая крестьянка принесла мне лаваш, сыр и чачу. При этом женщина мне сказала, чтобы я не прятал свои деньги, так как они «никому не нужны».

Слегка обсохнув, я дошел до деревенской автостанции и вскоре сел на маршрутку, идущую в Сухуми. По пути машину остановили на милицейском посту, а так как вещи мои были сухи лишь очень относительно, то у стражей порядка не было никаких сомнений, каким именно «путем» я пересек границу. В общем, меня задержали.

При этом милиционеры все время подчеркивали, что абхазы как раз рады пускать всех россиян, а границу закрыл Кремль. В общем, моя проблема решилась где-то за полчаса: милиционеры позвонили в местное КГБ, и те дали команду «отпустить журналиста».

Увы, в отделении милиции вскрылась другая неприятность. Почти все мои деньги куда-то загадочным образом исчезли. Я было грешил на ментов, но один из стражей порядка обнаружил разрез на сумке, где я хранил деньги, – оказывается, в маршрутке меня обокрали. К счастью, в заначке у меня было еще несколько сотен долларовых купюр – а с учетом местной дешевизны, это была очень приличная сумма. Так что голодать мне не пришлось, но все равно было как-то обидно.

На въезде в Сухуми я увидел табличку с тщательно замазанной буквой «и» в названии города. Я отдыхал в Сухуми в советское время, тогда город источал какую-то бешеную энергию и веселость. Сейчас все было совсем по-другому. То, что я увидел, можно было назвать городом лишь с большой натяжкой.

Очень многие здания были разрушены, и их никто и не пытался отстраивать заново. Развалины были покрыты буйной субтропической растительностью, а среди руин паслись коровы и козы.

Но больше всего некогда цветущий курорт поражал своим безлюдьем. Когда я зашел в ресторан на городской набережной, то на меня посмотрели почти как на инопланетянина. Рядом с заведением расставил свои картины местный художник – армянин дядя Миша. Денег у него не было, но он как-то все-таки хотел проявить гостеприимство и стал рекомендовать мне «особенно вкусные блюда».

– Что, дядя Миша, угощаешь?! – смеялись хозяева ресторана.

Выяснилось, что за последние три дня я первый посетитель.

– А зачем же вы тогда работаете? – с удивлением спрашиваю я.

– Да хоть какая-то, а жизнь. Вот и дядя Миша свои картины на продажу выставил, хотя прекрасно понимает, что никто не купит.

Я посмотрел в сторону моря: сразу же за набережной начинался роскошный песчаный пляж, и хотя была середина июля, пляж был абсолютно пустынным.

В Сухуме я остановился в семье знакомых местных русских интеллигентов, которых я запомнил как ярых сторонников абхазской независимости. Приняли меня с радостью, но вот угостить чем-нибудь не могли – денег у моих знакомых не было совсем. Я закупил по смешным ценам продуктов на местном рынке, и мои хозяева стали заметно веселей.

– Когда была война с Грузией, то оставалась какая-то надежда. Но сейчас уже ясно, что прежней прекрасной жизни не будет. Абхазия – это наш «Вишневый сад», он уже продан, а нам нужно уезжать! – несколько высокопарно объяснила мне свое восприятие происходящего в республике хозяйка дома, бывшая актриса Сухумского Русского театра.

Глава IX. Кавказские зарисовки

1. От Дудаева до Кадырова

«Дай Бог прожить эту ночь!»

Сразу же после ввода российских войск в Чечню (в первую чеченскую войну) я относился к Джохару Дудаеву с неприятием и в целом поддерживал федералов. Дело в том, что я уже побывал в дудаевской Чечне, и она произвела на меня впечатление крайне опасного для России бандитского анклава. «Победить Дудаева с помощью чеченцев не удалось, что ж придется ввести войска!» – рассуждал я.

Увы, человек – создание субъективное, и мое отношение к федералам резко изменилось после того, как я побывал объектом «точечных ударов» российских бомбардировщиков.

Как и большинство журналистов, я остановился в грозненской гостинице «Французский дом». Вечером мы наливали себе по стакану водки со словами: «Дай Бог прожить нам еще одну ночь». Минуты через три раздавался рев бомбардировщиков. «Господи, сделай так, чтобы этот снаряд был не наш!» – прервав дыхание, замирал каждый из нас. Через несколько секунд раздавался взрыв: с потолка сыпалась штукатурка, дребезжали стекла – это означало, что смерть миновала и на этот раз.

Грозный в первую чеченскую

Особенно не по себе было иностранцам. По ночам, надев на голову каски, они ложились спать в коридоре, надеясь, что это поможет им избежать смерти. «Это самая страшная из всех войн, на которых мы работали. И в бывшей Югославии, и даже в Багдаде убивали в первую очередь военных, здесь же главная мишень – мирные жители», – испуганно говорили чужеземные репортеры.

«Квартира ограблена три раза, просьба не беспокоить!»

Большинство чеченцев отправили своих жен и детей к родственникам в деревню, а в городе остались только боевики и местные русские. Авиация, без преувеличения, просто сносила центр города, где, к слову сказать, практически не было дудаевцев. Когда я после бомбежек выходил считать трупы, то соотношение было таким: на одного убитого боевика приходилось девять погибших мирных жителей – большинство славян.

На стенах грозненских домов можно было увидеть рисунки русских малышей. Вот самолеты, расстреливающие жилые дома, а вот танк, расстреливающий здание. Иногда дети поясняли свои рисунки: на самолетах рисовали звезды или же просто писали «Россия», нередко с одним «с».

Когда российские войска в конечном итоге взяли Грозный, многим лучше там не стало. По моим наблюдениям, значительная часть «федералов» отнюдь не испытывала угрызений совести. «Те русские, кто здесь остался, сами виноваты. Нормальные русские уже давно в России!» – неоднократно приходилось слышать мне от российских военных. Лично меня очень поразил эпизод с русским мужчиной, приехавшим в Грозный из Волгограда, чтобы вывезти свою сестру. Солдаты на блок-посту отобрали у него гостинцы для родственницы: «Нам закусывать нечем!»

В городе процветало мародерство. Чтобы хоть как-то обезопасить себя, жители писали на своих жилищах: «Здесь живут люди». Популярна была и такая надпись: «Квартира ограблена уже три раза. Просьба не беспокоить».

«Меня подталкивают стать махновцем!»

Такие действия федералов оттолкнули от российской армии даже тех чеченцев, которые раньше были противниками Дудаева.

Грозный в первую чеченскую

Моя встреча с чеченским полевым командиром Русланом Лабазановым произошла при достаточно необычных обстоятельствах. В 1995 году я ночевал в одной из российских военных частей в Чечне. Ночью меня разбудил российский офицер: «Не хотите взять интервью у Руслана Лабазанова? Прошу вас об одном: об этой встрече не должен знать никто из российских военных».

Этого человека в республике называли «чеченским Робин Гудом». Считалось, что он грабит богатых, а деньги раздает бедным. Политическая карьера сидевшего за убийство мастера восточных единоборств началась неожиданно. Во время августовского путча в Москве заключенный Лабазанов поднимает бунт в грозненской тюрьме и освобождает всех заключенных. Дерзкий поступок настолько понравился Дудаеву, что он пригласил Лабазанова стать начальником президентской охраны.

Увы, союз оказался недолговечным. Уже летом 1994 войска Дудаева штурмуют ставку Лабазанова. Во время боя погибают брат Руслана и его ближайший друг. Их отрезанные головы Дудаев выставил на всеобщее обозрение на одной из грозненских площадей. Лабазанов объявил Дудаеву кровную месть и поклялся, что убьет его лично.

Под покровом ночи в закрытом кузове машины меня тайно вывозят из военного лагеря и везут в сторону гор. Мысли невеселые: кто знает, чем это закончится?

Когда я приехал в ставку Лабазанова, хозяин только что вернулся из поездки: по бокам смиренно стояли боевики, а молодая миловидная женщина снимала с «чеченского Робин Гуда» ботинки.

«Я больше не могу терпеть тот беспредел, который творят российские войска. Они грабят всех подряд, убивают ни в чем не повинных людей. Русские должны понять: чеченцев нельзя победить силой. Проблемы чеченцев должны решать мы сами. Против внешней силы мы всегда объединяемся! Сейчас люди смотрят на эту войну как на войну русских с чеченцами и поэтому поддерживают Дудаева. Пусть Кремль даст мне оружие, технику, и я сам расправлюсь с Дудаевым!» – говорит мне Лабазанов.

Руслан выходит из комнаты и возвращается с фотографией. Снимок действительно жуткий: две отрубленные головы лежат на площади Минутка в Грозном. «Так расправился с моим братом и другом Дудаев. Этого я ему не прощу никогда! Рано или поздно я его поймаю и просто скушаю», – когда Лабазанов говорит эту фразу, то его глаза становятся страшными.

«Но, если и дальше российские войска будут творить этот беспредел, я не смогу быть их союзником. Меня просто подталкивают стать махновцем!» – в сердцах завершил беседу бывший начальник охраны Дудаева.

Исламское государство с бандитским оттенком

Первая чеченская война закончилась хасавюртовскими соглашениями, в реальности фиксирующими капитуляцию России. Можно спорить, что именно привело к этому поражению.

Так, например, военные утверждали, что как только они побеждали, то в Кремле сразу же заключали перемирие с сепаратистами, сводившее «на нет» все успехи федералов. Наверное, эта точка зрения небеспочвенна. Но, конечно же, это была не единственная причина. В словах Лабазанова, что сепаратистов должны победить сами чеченцы, несомненно, есть доля истины. Против российских войск «работали» и неоправданные жертвы среди мирного населения, возмущавшие не только местных жителей, но и работающих в Чечне журналистов. В результате практически все материалы из Чечни содержали резкую критику федералов, общественное мнение подготовили к необходимости вывода войск.

В чем-то ситуация вокруг Чечни напоминала страсти в американском обществе во время военной кампании во Вьетнаме: резкая критика военных в прессе, недовольство левых, устраивающих многочисленные пацифистские демонстрации, по сути предопределили поражение Белого дома в этой войне.

Увы, лучше после ухода российской армии не стало. В Чечне начали строить исламское государство, по степени «суровости», напоминавшее талибский Афганистан.

В республике был принят новый уголовный кодекс Чечни-Ичкерии, практически неотличимый от аналогичного свода законов Судана, одного из наиболее ортодоксальных государств исламского мира. Президентским указом в школах в обязательном порядке были введены предметы «Законы ислама» и арабский язык (впрочем, из-за резкой нехватки преподавателей арабского языка ему учили лишь в немногих школах). Категорически была запрещена продажа спиртного, перестали функционировать светские суды, преступников стали судить по законам шариата. Так же как и в Иране, автобусы в Чечне были поделены на две «половины» – мужскую и женскую.

На телевидении была введена «нравственная цензура». Иногда дело доходило до курьезов. Так, однажды я смотрел в Грозном по телевизору футбольный матч, транслирующийся из Москвы. Когда футболисты забили гол и стали обниматься, то на экране немедленно появилась «заставка» – на чеченском телевидении сочли эту сцену недопустимой с точки зрения мусульманской морали.

В республике ввели публичные телесные наказания и даже казни. Когда я пришел в шариатский суд, то там было достаточно многолюдно. Среди посетителей был даже русский парень, которому не заплатили за работу.

«К порке за воровство и пьянство мы приговариваем довольно часто, а вот дел о прелюбодеянии пока не было!» – с видимым сожалением сказал мне бородатый судья. Этому человеку явно хотелось приговорить кого-нибудь к забиванию камнями.

Камнями в Чечне действительно не забивали, а вот публичные расстрелы периодически устраивали. «Когда снимал расстрел, то ноги тряслись. А вот народу, похоже, нравилось. Люди реагировали на автоматную очередь, как на гол на стадионе!» – рассказывал мне знакомый грозненский оператор.

«Европейские законы для чеченской природы противостественны. Они многими не принимаются, а потому и нарушаются. Нам нужны такие законы, которые понимает и уважает народ. Для нас это шариат. Поэтому пугаться ислама не надо. Иначе мы получим неуправляемую вооруженную массу, что создаст много проблем для всех, в том числе и для России», – убеждал меня в 1996 году тогдашний министр иностранных дел Чечни-Ичкерии Мовлади Удугов.

Увы, справиться с «вооруженной массой» не удавалось и при помощи шариата. Если бы Чечня была просто одиозным исламским государством, то это Кремль бы еще мог «проглотить». Но беда заключалась в том, что новое независимое государство стало настоящей бандитской вольницей, существующей лишь за счет хищений нефти, набегов на российскую территорию и торговли заложниками.

По оценкам специалистов, на одного заложника приходилось пять охранников, еще столько же людей осуществляли захват «товара», и столько же оказывали посреднические услуги. До начала новой российской военной кампании в Чечне на территории республики содержалось около 1000 заложников, то есть в работоторговле участвовали около 15 тысяч человек, что составляло около 1,5 % мужского населения республики. Если же учесть, что, как правило, жены и дети преступников знали, чем занимается глава их семьи, то число людей, косвенно связанных с работоторговлей, получается и вовсе фантастическим.

Экономика Чечни лежала в руинах, а восстанавливать ее никто и не собирался. Криминальному же бизнесу в самой республике становилось все более тесно. Чтобы прокормить

огромную массу вооруженных людей, не желающих заниматься мирным трудом, нужна была новая война. И не так уж и важно, спровоцировано ли вторжение Басаева в Дагестан Путиным. В любом случае, Россия просто не могла мириться с существованием у ее границ бандитского анклава, становящегося с каждым днем все опаснее. Война была неизбежна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.